

**ВНЕДРЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ
НАРОДНОСТИ В НАУЧНЫЙ ОБИХОД: ВКЛАД
Л. В. ЧЕРЕПНИНА**

Научные исследования, приведшие к созданию концепции, а затем теории о древнерусской народности, начались в СССР в довоенный период¹. Одной из предпосылок в соответствующем ряде научных факторов, определивших возникновение данной концепции, была разработка во второй половине 1930-х гг. проблематики происхождения русского народа, тесно увязанная с вопросами возникновения русского государства. Выработанная к 1945 г. в исторической науке концепция древнерусской народности, первое время не получила научного признания, а главное – официального одобрения советского руководства. Вновь поднятая В. В. Мавродиным во второй половине 1940-х гг. тема о происхождении русской нации и русской народности, в рамках которой ленинградский историк в очередной раз предложил свою версию древнерусского этнического единства, в конце концов, была поставлена на широкое обсуждение в научных кругах. Эта задача совпала с актуализацией других важнейших тем и проблемных вопросов в исторической науке того времени. Прежде всего, имеется в виду оживление в конце 1940-х гг. дискуссий по вопросам развития феодализма, генезиса капитализма и периодизации истории СССР.

Однако, на столь сложную собственно историографическую ситуацию, наложились и идеологические факторы, в основном связанные с выходом новых работ И. В. Сталина. В 1949 г. в XI томе его сочинений была опубликована статья «Национальный вопрос и ленинизм», написанная еще в 1929 г.² Данная статья вождя послужила сигналом для новой актуализации изучения проблематики этногенеза, в первую очередь – восточных славян³. В 1950 г. началась очередная идеологическая кампания, на этот раз – по преодолению марксизма в гуманитаристике. Опять же, направление ей задал цикл статей и заметок (ответы на письма) И. В. Сталина, объединенных затем вместе в книге «Марксизм и вопросы языкознания». Но, для нашей темы главным является то, что этот труд вождя резко активизировал изучение этногенетических вопросов

академическими институтами гуманитарного профиля. В стране развернулись интенсивные дискуссии, в которых были задействованы многие научные коллективы⁴. О важности, придаваемой со стороны ЦК КПСС подобным мероприятиям может свидетельствовать докладная записка на имя Г. М. Маленкова и М. А. Суслова, поданная 8 января 1952 г. от имени работников отдела науки и высших учебных заведений Ю. А. Ждановым (заведующий), А. М. Митиным, И. Хлябичем по поводу результатов одной из академических сессий⁵. В докладной записке констатируется: «Сессия способствовала выработке правильных методов изучения вопросов языкового родства, создания единой классификации языков, а также разрешению некоторых спорных вопросов происхождения народов»⁶.

Последняя книга И. В. Сталина сыграла важнейшее значение для легитимации концепции о древнерусской народности⁷. В 1950 г. вышла также и статья В. В. Мавродина «Основные этапы этнического развития русского народа»⁸, где ученый вновь изложил характерные черты данной концепции⁹. В книге же И. В. Сталина была дана, недостающая для официальной легитимности концепции, санкция на возможность употребления этнокатегории «народность» в применении к ранним формационным этапам развития народов – в периоды рабовладельческого и феодального строя¹⁰. Впрочем, еще в первой половине 1940-х гг. эту этнокатегорию использовали в данном контексте М. И. Артамонов, А. Д. Удальцов и С. В. Юшков. Двое последних, из названных ученых, даже теоретически обосновали ее употребление¹¹. Другим важнейшим идеологическим фактором для легитимации концепции стало осознание (идеологическим руководством страны) ее как одной из важнейших научных конструкций в фундаменте идеологии «воссоединения» Украины с Россией; доктрина «воссоединения» окончательно возродилась (после нескольких предыдущих попыток, имевших место в 1930-х – 1940-х гг.¹²) в связи с подготовкой чествования 300-летнего юбилея Переяславской Рады¹³. Эти два политико-идеологических фактора составили комбинированную идеологическую основу для легитимации концепции древнерусской народности собственно в научном обиходе.

Названная концепция, но без использования термина «древнерусская народность», по-видимому, впервые стала фигурировать в более широкой научной среде в связи с заключительным моментом известной дискуссии по проблемам периодизации истории СССР. Диспут¹⁴, до этого проходивший в основном на страницах журнала «Вопросы истории», в

финальной своей части состоялся в стенах Института истории АН СССР в конце октября – начале ноября 1950 г.¹⁵ В ходе выступлений на этом заседании, отдельные элементы теоретического построения В. В. Мавродина были использованы в докладе И. И. Смирнова¹⁶, а также в совместном докладе Л. В. Черепнина и В. Т. Пашуто¹⁷. Последнее научное сообщение легло в основу статьи «О периодизации истории России эпохи феодализма» упомянутых историков, опубликованной в начале 1951 г. в соответствующей рубрике журнала «Вопросы истории»¹⁸.

В указанной статье Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто одними из первых в новых условиях, сложившихся в связи с выходом книги И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в общих чертах поддержали суть концепции древнерусской народности в варианте В. В. Мавродина, используя в то же время и термин – «русский народ»¹⁹. Февральский номер журнала, где была издана данная статья, видимо, вышел несколько позднее, состоявшейся в начале 1951 г. еще одной дискуссии в Институте истории – полемики по докладу В. В. Мавродина «Основные этапы этнического развития русского народа». Следует отметить, что на диспуте с критическими замечаниями относительно некоторых тезисов о древнерусской народности, прозвучавших в докладе В. В. Мавродина, выступил один из сотрудников Института истории АН СССР – соавтор совместной статьи с Л. В. Черепниным – В. Т. Пашуто²⁰.

Сотрудники Института истории АН СССР в течение 1951 г. были привлечены к подготовке, а затем и проведению в ноябре комплексного междисциплинарного совещания (при участии научных работников Института истории материальной культуры, Института этнографии, Института языкознания АН СССР) по «Методологии этногенетических исследований в свете сталинского учения о языке»²¹. Так, 29 июня 1951 г. состоялось заседание Ученого совета, посвященное годовщине опубликования указанной работы «вождя народов», на котором прозвучал доклад А. Н. Насонова «К вопросу образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию»²². Следует сказать, что вопросов этногенеза восточных славян А. Н. Насонов попутно касался в своих работах еще конца 1930-х гг.²³ Теперь же, ученый активно подключился к изучению данной проблематики. Начиная с 8 февраля 1951 г., он постоянно выступал на подготовительных совещаниях по методологии этногенетических исследований²⁴. Заметим, что, по отложившимся архивным сведениям, непосредственное участие в рабочих встречах от Института истории АН СССР принимал только он. Уже

непосредственно на самом совещании А. Н. Насонов зачитал доклад, положительно отмеченный в выступлении А. И. Козаченко²⁵. Согласно архивным данным, А. Н. Насонов выступал вторым на утреннем заседании от 1 ноября 1951 г. с докладом, в котором фигурирует альтернативное наименование для древнерусской народности. Это видно уже из его названия – «О некоторых вопросах образования киево-русской народности»²⁶. Впрочем, и у первого докладчика – Б. А. Рыбакова – используется подобное наименование (доклад озаглавлен – «Об образовании киево-русского народа»²⁷). В изданной Институтом истории материальной культуры брошюре тезисов докладов своих сотрудников, подготовленных к рассматриваемому совещанию, помещен текст Б. А. Рыбакова с несколько иным названием, где четко звучит терминологическое определение – «древнерусская народность»: «К вопросу об образовании древнерусской народности»²⁸. Текст же доклада А. Н. Насонова помещен уже со следующего архивного листа после повестки дня от 1 ноября 1951 г.; его объем довольно значителен и насчитывает 17 листов²⁹. В этом докладе следует отметить один важный нюанс, который кардинально отличает методологическую установку А. Н. Насонова касательно вопроса о роли государства в этногенезе: «Глубоко ошибаются те, кто думают, что без своего собственного национального государства не может быть нации. Наличие государства никогда не является необходимым условием образования нации или народности, оно никогда не может быть и единственным условием образования народности»³⁰. В заключение приведенного тезиса, летописец, как бы смягчая свою точку зрения, говорит мимоходом о том, что, когда образуются «государственные связи», в истории **отдельных** (выделено – Ю.Н.) народностей, они играют положительную роль в этногенезе; этот фактор может сыграть также и «важную стимулирующую роль».

Результаты методологического совещания планировалось обобщить в сборнике статей. Для этого сборника А. Н. Насоновым была написана статья «К вопросу об образовании древнерусской народности» и на конец 1951 г. она была «передана в Институт этнографии»³¹. Ученый предполагал и в дальнейшем продолжить разрабатывать проблемные теоретические вопросы относительно возникновения и функционирования древнерусской народности. В институтском плане на 1951 – 1955 гг. говорится, что А. Н. Насонов намеревался к 1955 г. предоставить в монографическом варианте, объемом не менее 10 авторских листов, результаты собственных изысканий по указанной теме³². Однако, с 1952 г.

вести данную тематику поручено было Л. В. Черепнину – заведующему сектором истории русского феодализма. Предположительно, здесь негативную роль сыграл острый отзыв В. Т. Пашуто на монографию А. Н. Насонова³³, работавшего вместе с ним в одном отделе³⁴. Один из недостатков, которые ставит на вид критик, и состоит в том, что А. Н. Насонов не сумел достаточно верно подойти к аналитическому изложению проблемы сложения и функционирования древнерусской народности³⁵.

Тем не мене, ответ на вопрос: по какой причине почти официально с 1952 г. репрезентовать проблему древнерусской народности от лица ведущей академической институции перед научной общественностью удостоивался права, фактически, только Л. В. Черепнин – не может быть однозначным. Один из моментов видится абсолютно бесспорным: академик возглавлял сектор феодализма, а значит за ним, как за руководителем, оставалась prerogative курировать *vir*-темы. Поставленный вопрос представляется возможным более обоснованно и убедительно разрешить, проведя дополнительное разыскание, сопоставляя уже имеющиеся в исследовательском арсенале факты, с вновь, надеемся, приобретенными.

Если сопоставить задачи исследования, заметим, от начала заявленные в книге «„Русская земля” и образование территории древнерусского государства» и общий контекст рецензии, то непредвзятому читателю покажется совершенно очевидным такое наблюдение: В. Т. Пашуто неадекватно подошел к обоснованию собственных критических замечаний³⁶. На это же указал и сам А. Н. Насонов в ответном письме, помещенном почти через полтора года после публикации резкой рецензии коллеги в тех же «Вопросах истории»³⁷. В защиту А. Н. Насонова на страницах журнала «Коммунист» выступили М. Гефтер, Ю. Покатаев и Г. Шахназаров, говорившие о необходимости предоставить равные возможности открытого обсуждения между автором и критиком-рецензентом³⁸.

В данной студии столь подробно останавливались на конкретике деятельности А. Н. Насонова в сфере изучения проблемы древнерусской народности по двум мотивам. Первый предусматривает объективное освещение роли Л. В. Черепнина в указанном историографическом процессе. Второй аспект заключается в том, что посредством вплетения этой линии добавляется еще один штрих к воссозданию общего фона интеллектуальной атмосферы в стенах Института истории АН СССР.

Итак, с 1952 г. к изучению темы про древнерусскую народность более активно подключается Л. В. Черепнин. Впервые термин «древнерусская народность» Л. В. Черепнин в одной из публикаций, вышедшей в 1952 г., где он повторно возвращается к теме периодизации истории СССР эпохи феодализма. На этот раз статья вышла за единоличным авторством Л. В. Черепнина³⁹. Здесь ученый проблему древнерусской народности рассматривает попутно и лаконично. Более подробно и с изложением оригинальных взглядов Л. В. Черепнин подходит к теме древнерусской народности в соответствующем параграфе I-й части коллективного труда «Очерки истории СССР»⁴⁰, который вышел в 1953 г. В отличие от В. В. Мавродина, ставившего возникновение древнерусской народности в связь с возникновением древнерусского государства, московский ученый считает: отдельные восточнославянские племена складывались в народность в связи с развитием феодальных отношений⁴¹. Однако, в ином месте историк утверждает, что формирование древнерусской народности происходило в «процессе разложения первобытно-общинного строя и появления классового общества у восточных славян, приведшего к возникновению древнерусского государства»⁴². В данном параграфе Л. В. Черепнин не считает нужным указывать на приоритет В. В. Мавродина в постановке проблемы древнерусской народности и даже не ссылается на работы ленинградского профессора. По-сути, теоретическое обоснование употребления этнокатегории народность применительно к восточному славянству периода Древней Руси Л. В. Черепнин усматривает в работах И. В. Сталина.

Согласно сталинскому определению нации, историк находит известную общность территории, языка и психологического склада (проявляющегося в общности культуры) и для древнерусской народности. Естественно, эта общность, «сложившаяся на феодальной экономической основе», относительна в сравнении с нацией⁴³. Затем, Л. В. Черепнин рассматривает основные признаки единства данной народности, не забывая упомянуть о местных территориальных, диалектных, культурных особенностях отдельных восточнославянских племен. Особо ученый выделяет такой признак единства как национальное самосознание, точнее, в данном случае – сознание единства Русской земли, которое он тесно увязывает с осознанием общности территории, на которой «сложился русский народ»⁴⁴.

Один из первых историографов проблемы древнерусской народности и, в тоже время, ее исследователь, продемонстрировавший оригинальные

подходы⁴⁵, московский историк А. И. Козаченко (украинец по происхождению⁴⁶) отмечает важнейшее значение данного параграфа за авторством Л. В. Черепнина для решения проблемы в целом⁴⁷. По сути, это авторитетное академическое издание «Очерков» под редакцией академика Б. Д. Грекова наряду с I-м томом украинского академического издания «История Украинской ССР» (тоже вышло в 1953 г.; соответствующие параграфы, где речь идет о древнерусской народности, написаны К. Г. Гуслистым⁴⁸) окончательно легитимизировало концепцию в научном плане. Бесповоротная же политическая легитимация была закреплена в тезисах ЦК КПСС «О 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654 – 1954 гг.)»⁴⁹.

Последующая работа Л. В. Черепнина над темой о древнерусской народности продолжилась в контексте его исследований по проблематике образования русской народности. Однако публикация (о которой пойдет речь ниже), где, в частности, обобщались исследования советских историков по проблематике древнерусской народности, вышла только в 1958 г. и, поэтому не сыграла своей роли в легитимации соответствующего научного построения. В тоже время, эта разработка – есть результат работы ученого над темой в период научного и политического закрепления концепции, о чем свидетельствуют его выступления на научных форумах первой половины 1950-х гг. К тому же, концепция в варианте, представленном от имени такого авторитетного московского историка, как академик Л. В. Черепнин, являлась образцовой для украинских историков; фактически она была для них, своего рода догмой⁵⁰. Поэтому, считаем необходимым подробнее рассмотреть публикацию 1958 г. Л. В. Черепнина. Но сначала коснемся перипетий ее подготовки.

В 1952 г. Л. В. Черепнин принимает участие в работе специальной комиссии, созданной для координации усилий специалистов, работающих в разных областях гуманитарных знаний. Комиссия, созданная по решению Отделения языка и литературы и Отделения исторических наук АН СССР, возглавлялась академиком-филологом В. В. Виноградовым⁵¹. На основе докладов, обсуждавшихся на заседаниях этой комиссии, были написаны статьи, посвященные отдельным сторонам проблемы формирования русской народности и нации. Из статей был составлен сборник «Вопросы формирования русской народности и нации», который вышел в 1958 г. Открывала сборник обширная статья Л. В. Черепнина «Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.»⁵², где значительное место уделялось проблематике древнерусской народности.

Однако из архивных дел НА ИРИ РАН явствует, что книга была готова уже состоянием на 1955 – 1956 гг.⁵³ Введение к сборнику «Вопросы формирования русской народности и нации», при публикации получившее название «От редакции»⁵⁴, по архивным делам фиксируется на 1956 г.⁵⁵ Оба варианта – архивный и печатный – текстологически совпадают. Текст же разработки Л. В. Черепнина «Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.» в архивном деле датирован 1956 г.⁵⁶ и также тождественен книжной трансформации. Следует сказать, что еще 7 июля 1952 г. Л. В. Черепнин выступил по данной теме на заседании Ученого совета Института истории АН СССР, посвященном «ознаменованию второй годовщины» выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Доклад ученого назывался тоже характерно – «Значение трудов И. В. Сталина для изучения проблем образования русского централизованного государства»⁵⁷. Здесь прослеживается взаимосвязь между двумя историческими процессами: складыванием уже собственно великорусской народности (согласно выступающему, на XIV в. можно говорить, что она формируется⁵⁸) и образованием Русского централизованного государства (по мнению ученого, он начался с конца XIII – начала XIV вв.⁵⁹). Если излагать мысль Л. В. Черепнина иными словами, образование государства, опережая в своем развитии, является одним из условий для формирования народности. Для определения признаков великорусской народности историком используется идентичный методологический прием: в контексте развития общеисторического процесса вычленяются те же черты – 1) формирование ядра территории; 2) относительная экономическая сплоченность регионов страны; 3) общность языка и культуры, проявляющихся в психическом складе⁶⁰.

В публикации 1958 г. Л. В. Черепнин поставил задачу выяснить исторические условия формирования русской народности и наметить основные этапы этого процесса. В историографическом аспекте ученый ссылается на работы предшественников, начиная с конца 1940-х гг., хотя подобало бы приступать к введению в научный оборот тех, что были опубликованы по данной тематике еще в 1930-е гг. Учитывая, что абсолютное большинство ссылок идут на работы исследователей проблемы по 1954 г. включительно, следует заключить: доклад (и основа статьи) был подготовлен именно на это время. Три ссылки на работы, вышедшие в 1955 г. и одна на труд 1956 г., не имеют принципиального значения и, очевидно, добавлены непосредственно перед передачей статьи

в печать. На этот раз Л. В. Черепнин уже отдает приоритет в разработке темы формирования русской народности В. В. Мавродину, так как отсылки на работы ленинградского историка идут хронологически первыми – начиная с 1947 г. Из специально посвященных теме работ советских историков, Л. В. Черепнин упоминает также исследования В. И. Довженка, А. И. Козаченко, Д. С. Лихачева, А. Н. Насонова и Б. А. Рыбакова. Заметим, что все названные ученые в основном на страницах своих работ рассматривали первые этапы формирования русской народности, то есть – вопросы собственно древнерусской народности. Вместе с тем, в своем труде Л. В. Черепнин опирается на большое количество работ представителей разных областей гуманитарной науки, а в источниковедческом контексте – на анализ древнерусских летописей.

В начале, как оно и должно, Л. В. Черепнин определяется с ключевой дефиницией – «народностью». В следствии изменившейся к концу 1950-х гг. идеологической конъюнктуры, историк уже не упоминает положения книги И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» о народности, а также не использует вышедшую в 1949 г. работу вождя «Национальный вопрос и ленинизм». Однако ученый все же отталкивается от классического труда И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.). Интерпретируя положения этого труда о нации и народности, Л. В. Черепнин полемизирует с работами П. И. Кушнера и М. Д. Каммари⁶¹, которые опирались на трактовку этнонациональных понятий у И. В. Сталина в названном труде и работе 1949 г. В целом присоединяясь к взглядам В. Мавродина о народности образца 1950 г., Л. В. Черепнин говорит о народности как исторической категории, следующей за родом и племенем и предшествующей нации. Он ставит возникновение и развитие народности в зависимость от смены общественно-экономических формаций. Определяющим моментом для признания существования народности в древней Руси для Л. В. Черепнина есть признание того, что возникновение народности бывает при переходе от первобытно-общинного строя к классовому обществу. Дальнейшее развитие народности (в данном случае древнерусской), а также и ее распад, связан с процессами феодализации. От нации народность отличается не устойчивым характером общности. Нация требует одновременного наличия четырех главных признаков (по И. В. Сталину) – общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, а также – взаимодействие этих признаков только тогда устойчиво, когда в условиях разложения

феодализма и развития капиталистических отношений ликвидируется хозяйственная раздробленность страны, образуется национальный рынок, появляются экономические и культурные национальные центры⁶². Дискутируя с В. В. Мавродиным и некоторыми другими исследователями, Л. В. Черепнин не считает определяющим для возникновения и формирования народности наличие государства, а также и для распада древнерусской народности не были обуславливающими внешние факторы: татаро-монгольское завоевание и захват территорий Руси соседними государствами⁶³.

Далее, Л. В. Черепнин намечает пять этапов в процессе образования русской (великорусской) народности, которым (кроме последнего) он дает в своей статье детальную характеристику. Первые три этапа создания русской народности соответствуют этапам возникновения, развития и распада древнерусской народности, на основе которой в XII – XIII вв. создаются предпосылки для формирования как великорусской, так и украинской и белорусской народностей⁶⁴.

Согласно Л. В. Черепнину, начальный этап выработки древнерусской народности приходится на VI – IX вв., когда происходит обособление восточных славян от западных и южных. Ученый не согласен с А. И. Козаченко в том, что анты были первой «восточнославянской народностью», ибо процесс консолидации отдельных групп славянства был еще слишком слабым⁶⁵. Л. В. Черепнин скорее разделяет взгляды того времени Б. А. Рыбакова, который относил к VI – VII вв. складывание племенного союза россов, а на его основе – территориального объединения, получившего имя «Русь»⁶⁶. В этот период намечается основное территориальное ядро будущей древнерусской народности. В то же время, опираясь на изыскания филологов, Л. В. Черепнин не считает правомерным попытку Б. А. Рыбакова приурочивать ко времени сложения территориального ядра древней Руси появление диалектов, которые в последующем послужили основой для развития русского и украинского языков. Язык же древнерусской народности формируется в VII – IX вв. на основе интеграции племенных языков восточного славянства и становится известным по памятникам X – XI вв.⁶⁷

Процесс складывания древнерусской народности Л. В. Черепнин связывает с новыми явлениями в социально-экономической жизни восточного славянства, способствовавшими его сближению и слиянию. Именно в процессе феодализации происходит формирование народности; феодальный способ производства, который устанавливается к IX в., служит основой ее складывания⁶⁸. Следует отметить, что впервые

аналогичные взгляды высказал в 1933 г. на пленуме ГАИМК М. М. Цвибак⁶⁹.

Хотя формирование древнерусской народности, согласно Л. В. Черепнину, не определялось процессом складывания древнерусского государства, однако этот процесс ему сопутствовал. Вместе с тем, возникновение раннефеодального государства с центром в Киеве даже активно содействовало дальнейшей консолидации древнерусской народности. Ведь во время существования Древнерусского государства произошло объединение всех восточнославянских земель вокруг основного ядра древней Руси⁷⁰. В этом месте Л. В. Черепнин переходит к характеристике такого признака единства народности как известная территориальная общность с общим наименованием «Русь» и «Русская земля». Это название становится широко известным среди других народов и государств и свидетельствует об образовании древнерусской народности. Попутно Л. В. Черепнин отмечает такой ускоряющий момент в процессе складывания народности как борьба за независимость, в частности – со степными народами⁷¹. Цитируя источники, ученый показывает: в IX – XI вв. термины «Русь» и «Русская земля» употребляли как в этническом смысле, так и в значении государства. Это указывает как на факт сложения народности, так и на то, что все же государство оказало на ее формирование активное влияние⁷².

Освоение, прежде всего – хозяйственное – территории древней Руси, еще один важнейший фактор формирования народности. Л. В. Черепнин считает, что дореволюционная историография преувеличивала роль колонизации в этом процессе, в то время как А. Н. Насонов – наоборот преуменьшает ее роль. Мимоходом коснувшись значения стирания племенных различий восточных славян в быту (не отбрасывая, в тоже время, и факты наличия местных особенностей) как признаки культурной консолидации народности, Л. В. Черепнин характеризует производственную деятельность и социальный строй населения древней Руси, подводя читателя к аргументации своего главного тезиса – доминирующей роли процессов феодализации в образовании древнерусской народности⁷³. Ведь укрепление феодального базиса способствовало дальнейшему производственному освоению территории и развитию территориальных связей в условиях господства натурального хозяйства, рост феодального землевладения разрушал пережитки родового строя. Развитие ремесла, городов, торговли способствовало усилению экономических связей, которые содействовали развитию народности⁷⁴.

Особенное значение, по мысли Л. В. Черепнина, имела внешняя торговля. Ее развитие продвигало Русь к морям, а близость к оным, овладение их побережьями – это важнейший фактор в процессе образования народности и ее дальнейшего формирования в нацию. Опираясь на источники, ученый приводит доказательства освоения морских побережий и контроля над морями со стороны руссов⁷⁵. Характеризуя роль городов в процессе образования народности, историк отмечает, что они были экономическими и политическими центрами Руси, содействовавшими разрушению пережитков патриархально-родовых отношений.

Вновь касаясь роли раннефеодального государства в формировании народности, Л. В. Черепнин приводит мнение А. Н. Насонова, который утверждал, что в образовании государственной территории Руси главное значение имела организация суда и дани. А так как в X – XI вв., эта система еще не распространялась на всю Русскую землю, то «скороспелое» Киевское государство не могло быть монолитным⁷⁶. Л. В. Черепнин тут делает существенное добавление: он считает, что территория древнерусского государства представляла, прежде всего, известное единство в этническом отношении, чего не было в империи Карла Великого, с которой сравнивает (согласно подсказке рецензента рукописного варианта монографии В. К. Яцунского⁷⁷) Киевское государство А. Н. Насонов (по традиции, сложившейся в советской исторической науке с начала 1930-х гг.⁷⁸). Государство, в свою очередь, ускоряло процессы этнической консолидации восточных славян⁷⁹. Роль государственной власти проявлялась и в организации военных походов и военного дела, что содействовало формированию народности. Ведь в походах, в ополчениях, при строительстве оборонительных сооружений, складывались территориальные и культурные связи, формировались черты национального характера.

Известную роль в дальнейшем развитии древнерусской народности имело и принятие христианства. Л. В. Черепнин, опираясь на классиков марксизма, подчеркивает, что религия является одним из признаков средневековой народности. В древнерусских памятниках, приводимых ученым, прослеживается тождественность понятий между «христианами» и русскими – под религиозной оболочкой здесь выступает этническое единство и общность исторических судеб древнерусской народности⁸⁰.

Определенное значение в процессе формирования народности сыграли классовые противоречия, так как антифеодальная борьба социальных низов сплачивала их на основе территориальных, а не родоплеменных

связей. Впрочем, Л. В. Черепнин не особо акцентирует на этом внимание⁸¹.

Одним из признаков, характеризующих древнерусскую народность, является относительная общность языка при наличии и стойкости диалектных различий. Л. В. Черепнин на основе исследований советских филологов и археологов признает наличие общего разговорного и литературного языков в древней Руси⁸². Последний способствовал распространению письменности на Руси, а, следовательно, формированию культурной общности народности. Далее, историк коротко характеризует культурную общность и говорит о ее осознании, что проявилось в памятниках фольклора, литературы, искусства и так далее⁸³. После чего, ученый ставит вопрос о зарождении национального характера, то есть, «психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁸⁴. Выяснение этого вопроса выводит его на выделение и характеристику такого важнейшего этнонационального признака как национальное самосознание, проявляющегося, прежде всего в патриотизме, в осознании древнерусским обществом единства Русской земли⁸⁵.

К XII–XIII вв. Л. В. Черепнин относит третий этап истории русской народности, который характеризуется созданием предпосылок для дробления древнерусской народности, в результате чего формируются народности великорусская, украинская и белорусская. Рассматривая причины создания на общей основе трех народностей, Л. В. Черепнин не соглашается с большинством исследователей (А. И. Козаченко, В. В. Мавродиным, И. И. Смирновым, Б. А. Рыбаковым) в том, что главной причиной распада древнерусской народности были внешние факторы. С точки зрения Л. В. Черепнина, не было распада древнерусской народности, как и не было распада древнерусского государства. На самом деле произошло расчленение раннефеодального государства на ряд феодальных земель и княжеств в результате дальнейшего процесса феодализации. Тем самым, создались предпосылки для дробления единой народности⁸⁶. Детально аргументировав свое мнение, ученый делает вывод о том, что создание предпосылок для складывания трех восточнославянских народностей является вовсе не результатом распада древнерусской народности, а естественным следствием ее развития⁸⁷. Впрочем, полемизируя с А. И. Козаченко, Л. В. Черепнин признает: хотя создание в результате процесса феодализации предпосылок формирования на общей основе древнерусской народности трех восточнославянских народностей было объективно закономерным явлением, однако, насильственный их разрыв в результате нашествия монголо-татарских захватчиков и

последующей экспансии польских феодалов отрицательно сказался на судьбах этих народностей⁸⁸.

Итак, в данной статье Л. В. Черепнин сумел обобщить взгляды советских исследователей конца 40-х – начала 50-х гг. по проблеме древнерусской народности, высказав и аргументировав, в отдельных случаях свое мнение. В тоже время, общие представления Л. В. Черепнина о происхождении народности восходят к дискуссиям 1930-х – начала 1940-х гг. – как по вопросам развития феодализма в древней Руси, так и этногенеза восточных славян⁸⁹.

В личном фонде академика, хранящемся в А РАН, не находим подготовительных материалов к рассмотренной выше статье, увидевшей свет в 1958 г. (имеющиеся в НА ИРИ РАН модификации машинописи рукописи не отображают ход работы над ней, и они по сути тождественны опубликованному), равно как и любых других черновых или предварительных разработок, касающихся вопросов древнерусской народности. Данный факт может свидетельствовать о том, что названная проблематика не была предметом непосредственного и углубленного изучения со стороны историка. Наличествуют фрагментарные и спорадичные вкрапления в тексты лекций, статей, где речь идет либо о трех восточнославянских народностях – великорусской, украинской и белорусской, – либо же (и чаще) только о великорусской⁹⁰. Однако они не носят характера специальных предметных изысканий. А в тех тематических разработках, где согласно логическим предположениям, должны были бы обязательно присутствовать уже входившие на начало 1950-х гг. в традицию пассажи о древнерусской народности – их попросту нет⁹¹. При этом в личном фонде (1791) академика Л. В. Черепнина находится одно дело, содержание материала которого требует более глубокого анализа. Это – предварительные варианты статей «Древняя Русь в VII – XI вв.» и «Культура Киевской Руси X – XV вв.», предназначавшиеся для переводного (на итальянский язык) учебника по истории СССР средних веков; архивариусы датируют тексты 1950-ми гг.⁹²

Говоря о Древней Руси VII – XI вв. историк не считает нужным останавливаться на особенностях ее этногенетического развития. Л. В. Черепнин лишь констатирует как достаточно явный факт, не требующий дополнительной аргументации с его стороны: уже в XII – XIII вв., однако не на племенной основе, а в новых экономических условиях, начинают определяться предпосылки возникновения трех восточно-славянских народностей – «великорусской (русской, украинской

и белорусской»⁹³. При этом здесь не навязчиво вносится довольно существенно уточнение, что экономические преобразования затронули только некоторые русские земли, где «господствовали феодальные отношения». Что касается восточнославянских народностей, то они образовались в дальнейшем на основе древнерусской народности⁹⁴. В этом месте звучит единственное фиксируемое упоминание терминологического выражения – «древнерусская народность». Автор подчеркивает, что процессы отпочкования будущих народностей наметились в XII – XIII вв. При этом следует учитывать, что их границы не совпадали с «политическими границами княжеств». Здесь вступал в действие иной механизм, включающий новые территориальные, экономические и культурные связи. Л. В. Черепнин остается верен своим принципам, и суть возникновения данных связей, равно как и их функционирование, усматривает в «расширении и углублении процесса феодализации»⁹⁵. Определив территориальные основы восточнославянских народностей, исследователь переходит к рассмотрению внешних факторов, воздействовавших на процесс окончательного оформления границ складывающихся народностей.

Рассматривая последствия татаро-монгольского нашествия, которое признается в качестве негативного явления, Л. В. Черепнин вновь игнорирует выражение «древнерусская народность». Вместо него им употребляется традиционное терминологическое словосочетание – «русский народ»⁹⁶, к активному использованию которого историк прибегал еще в середине 1940-х гг.⁹⁷ О приложении этих терминов Л. В. Черепниным в контексте изменений политико-идеологической конъюнктуры речь пойдет в заключении.

Наряду с «татаро-монгольским нашествием» на Русь первой половины XIII в. и «захваты польско-литовскими феодалами» в XIV в. русских земель в значительной степени повлияли на определение границ трех восточнославянских народностей – великорусской, украинской и белорусской, бывших на стадии сложения⁹⁸ (тут Л. В. Черепнин придерживается приведенной ранее аналогичной хронологии по поводу времени формирования народностей). Однако, именно первый из названных только что факторов – «татаро-монгольское нашествие» привел к тому, что от Северо-Восточной Руси были оторваны южные и юго-западные земли. И как производное от этого обстоятельства, сложилась ситуация, когда обособленные земли сумели легко захватить «польские, литовские, венгерские феодалы». Следствием столь активного воздействия

внешнего комплексного компонента неблагоприятных факторов на жизнь древнерусского сообщества стало «лишение формирующихся украинского и белорусского народов национальной государственности»⁹⁹. Как видим, и здесь ученый считал необходимым в несколько иной интерпретации еще раз подчеркнуть мысль о значении института государственности для органического функционирования народностей / =народов.

В сохраненном машинописном тексте второй статьи – «Культура Киевской Руси X – XV вв.», принадлежащей к материалам рассматриваемого сейчас архивного дела, и тоже готовившейся для итальянского перевода – нет ни единого упоминания о древнерусской народности¹⁰⁰. Казалось бы, при объеме в пятнадцать печатных страниц форматом А 4 и на период, пускай даже возьмем, самого начала 1950-х гг. должны были бы отложиться хотя бы обязательные в таких случаях конъюнктурные штампы. Нельзя забывать, что, как показано выше, именно на начало 1950-х гг. у Л. В. Черепнина впервые встречается терминологическое выражение «древнерусская народность». В связи с развернувшейся серией полемических обсуждений, в частях научных произведений, где рассматривались вопросы культуры, и представлялась благоприятная возможность ввести в собственные построения догматические постулаты. Если бы текст писался на конец 1953 – 1954 гг. Л. В. Черепнин, как авторитетный и должностной представитель исторической науки, просто не мог бы обойти своим вниманием сакральное клише о древнерусской народности, как о «едином корне», официально освященном в юбилейных Тезисах ЦК КПСС. Исходя из приведенных объективных моментов, можно утверждать, что подготовка к переводному изданию учебника по истории СССР средних веков велась во второй половине 1950-х гг.

Вернемся к рассмотрению вопроса об использовании ученым этнотерминов применительно к восточнославянскому сообществу древнерусской эпохи. Итак, типичное для российской дореволюционной историографии терминологическое словосочетание «русский народ»¹⁰¹ ученый употреблял, как и большинство советских (российских) историков¹⁰², в период до легитимации концепции о древнерусской народности, в частности – в середине 1940-х гг.¹⁰³ Похоже, что возвращение Л. В. Черепнина в этом вопросе на позиции традиционной российской историографии связано со спадом во второй половине 1950-х гг. политико-идеологической поддержки термина «древнерусская народность», который реально остается для употребления в исторической науке БССР и УССР. Последнее наблюдение впервые в историографическом аспекте,

по-видимому, сделано украинским историком, академиком Я. Д. Исаевичем¹⁰⁴. Скорее всего, Л. В. Черепнин не понимал под понятием «русский народ» (применительно к древнерусской эпохе) начальный этап развития «триединорусского» народа (тем более «великорусского»)¹⁰⁵. Очевидно, что для него в данном случае «русский народ» был общим предком трех восточнославянских народов, как это подразумевало и понятие «древнерусская народность». Однако использование тождественного наименования восточнославянского народа в древности с современным названием русских приводило к терминологической путанице и, в умах широких масс, а также для иностранных читателей, вытесняло из древнерусской истории предков белорусов и украинцев. Поэтому, выработанное советской исторической наукой терминологическое выражение «древнерусская народность» являлось более приемлемым и, несомненно, имело удачное научно-корректное звучание в отношении предков восточнославянских народов¹⁰⁶. Особо подчеркнем, что только при употреблении термина «древнерусская народность» именно совместно с поясняющей дефиницией – «общий предок русских, украинцев, белорусов» – и заключался оговоренный позитив.

Итак, сыграв, как автор соответствующего параграфа «Очерков истории СССР» и других работ (а также посредством своего участия в различных научных форумах с разработками темы) важнейшую роль в научной легитимации концепции древнерусской народности, Л. В. Черепнин одним из первых отошел от обязательного употребления самого термина «древнерусская народность». Последнее обстоятельство, как можно предположить, связано с тем, что после отпразднования 300-летия воссоединения Украины с Россией, комбинированная идеологическая кампания (начавшаяся с внедрения в науку постулатов И. В. Сталина в области этногенетики), имевшая место в первой половине 1950-х гг., фактически закончилась и, жесткого партийного диктата для российских историков в этом аспекте уже не наблюдалось.

¹ См.: Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). – Вінниця, 2005. – 545 + II с.

² Сталин И. В. Национальный вопрос и ленинизм // Сталин И. В. Сочинения. В 16 тт. – Т. 11: 1928 – март 1929. – М., 1949. – С. 333-355.

³ См., напр.: Юсова Н. Наукова діяльність Костя Гуслистого в останні роки роботи в Інституті історії АН УРСР (1949–1952 рр.) // Український історичний збірник-

2002 / Гол. ред. В. Смолій, заст. гол. ред. Т. Чухліб. – Вип. 5. – К., 2003. – С. 439 – 440.

⁴ Юсова Н. М. Генеза концепту “давньоруська народність” у радянській історичній науці // Український історичний журнал. – 2001. – № 6. – С. 77-78.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (РГА СПИ). – Ф. 17. – Оп. 133. – Д. 223. Записки и справки в составе М. А. Сулова, А. Н. Несмеянова, И. А. Камрова, Отдела и сектора общественных наук по письмам и решениям Совета министров СССР, ЦК КП (б) Узб., обкомов партий, Академии наук СССР и др. в руководстве научной деятельности – в истории, языке и литературе. Январь – июль 1952 г. На 150 л. – Л. 1-4. На данный момент не удалось четко выяснить: совещание по методологическим вопросам этногенеза (состоявшееся 29 октября – 3 ноября 1951 г.) и упомянутая в Записке совместная сессия Отделения языка и литературы, а также Отделения философии АН СССР (проходила «в конце 1951 г. – Там же. – Л. 1): являются ли они двумя отдельными научными форумами? Возможно, что после октябрьско-ноябрьского совещания была созвана обобщающая сессия двух академических отделений. Хотя по отложившимся материалам различных фондов, репрезентирующих академические институты названных отделений, можем предполагать, что обозначенная в Записке Сессия и есть октябрьско-ноябрьское совещание по методологии этногенетических исследований. См., например: I) Архив Российской Академии наук (А РАН). – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 363. Протоколы подготовительного совещания по методологии этногенетических исследований. 8 февраля – 19 марта 1951 г. На 133 л.; Там же. – Д. 364. Стенограмма объединенного заседания от 29 октября 1951 г. по методологии этногенетических исследований. 29 октября 1951 г. На 86 л.; Там же. – Д. 365. Стенограмма утреннего заседания от 30 октября 1951 г. по методологии этногенетических исследований 30 октября 1951 г. На 33 л.; Там же. – Д. 366. Стенограмма вечернего объединенного заседания от 30 октября 1951 г. по методологии этногенетических исследований. 30 октября 1951 г. по методологии этногенетических исследований. 30 октября 1951 г. На 87 л.; Там же. – Д. 367. Стенограмма утреннего объединенного заседания от 31 октября 1951 г. 31 октября 1951 г. На 173 л.; Там же. – Д. 368. Стенограмма вечернего объединенного заседания от 31 октября 1951 г. по методологии этногенетических исследований. 31 октября 1951 г. На 98 л.; Там же. – Д. 369. Стенограмма вечернего объединенного заседания от 1 ноября 1951 г. по методологии этногенетических исследований. 1 ноября 1951 г. На 92 л.; Там же. – Д. 370. Стенограмма утреннего объединенного заседания от 2 ноября 1951 г. по методологии этногенетических исследований. 2 ноября 1951 г. На 133 л.; Там же. – Д. 371. Стенограмма утреннего заседания от 3 ноября 1951 г. по методологии этногенетических исследований. 3 ноября 1951 г. На 143 л.; Там же. – Д. 372. Стенограмма вечернего заседания от 3 ноября 1951 г. по методологии этногенетических исследований. 3 ноября 1951 г. На 42 л.; Там же. – Д. 373.

Программа, доклады, резолюция совещания по методологии этногенетических исследований. 15 октября – 3 ноября 1951 г. На 89 л.;

II) Там же. – Ф. 1909. – Оп. 1. – Д. 135. Институт истории материальной культуры. Стенограмма совещаний по следующим этногенетическим исследованиям. Т. 1. 29 октября 1951 г. – 30 октября 1951 г. На 122 л.; Там же. – Д. 157. Стенограмма совещания по методологии этногенетических исследований. 2 ноября 1951 г. Т. 2. На 239 л.; Там же. – Д. 158. Стенограмма утреннего и вечернего заседаний по методологии этногенетических исследований 2 ноября 1951 г. Т. 3. На 298 л.; Там же. – Д. 159 л. Стенограмма утреннего и вечернего заседаний по методологии этногенетических исследований. 3 ноября 1951 г. На 189 л.

⁶ РГА СПИ. – Ф. 17. – Оп. 133. – Д. 223. – Л. 3.

⁷ Юсова Н. М. Генеза концепту “давньоруська народність” у радянській історичній науці. – С. 78; Ее же. Наукова діяльність Костя Гуслистого в останні роки роботи в Інституті історії АН УРСР (1949 – 1952 рр.). – С. 440-443; Ср.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. – Л., 1990. – С. 12.

⁸ Мавродин В. В. Основные этапы этнического развития русского народа // Вопросы истории. – 1950. – № 4. – С. 55.-70.

⁹ Однако в докладной записке от 23 августа 1952 г. на имя секретаря ЦК ВКП(б) М. А. Сулова, подписанной А. Румянцевым, А. Лихолатом, эта статья В. В. Мавродина не учитывается. Критикуя редакционную политику журнала «Вопросы истории» за слабую координацию и недостаточное направление усилий советских историков в русле разработки «важнейших исторических проблем, ставших перед исторической наукой после опубликования трудов И. В. Сталина по языкознанию», сказано, что за два истекших года опубликована только одна статья по этногенезу. – См.: Третьяков П. Некоторые вопросы происхождения народов в свете произведений И. В. Сталина о языке и языкознании. – ВИ. – 1950. – № 10. – С. 3-18.

Поскольку работа ленинградского профессора была помещена в № 4 за 1950 г., а это происходило до выхода работы И. В. Сталина, работники агитпропа ЦК ВКП (б) не посчитали возможным приобщить ее к положительным показателям деятельности «Вопросов истории». – См.: РГА СПИ. – Ф. 17. – Оп. 133. – Ед. хр. 293. Заметки и справки Отдела и подотдела исторических наук, проекты постановлений Совета Министров СССР, решения, письма и заключения Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б), Академии наук СССР, Институты истории, славяноведения и востоковедения, о мерах по улучшению работы журнала «Вопросы истории» в свете трудов И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Июнь 1952 г. – март 1953 г. На 253 лл. – Л. 151.

¹⁰ Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания. – М., 1950. – С. 12-13.

¹¹ См. : Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). – С. 238, 303-323.

¹² Эти попытки впервые рассмотрены в: Юсова Н. Метаморфоза української

радянської історіографії в оцінці події приєднання України до Росії в 1654 р.: від “абсолютного зла” до “безумовного блага” // Краєзнавство. – 2003. – № 1-4. – С. 98 – 105; и в совместной статье: Юсова Н. М., Юсов С. Л. Проблема „приєднання” України до Росії в оцінці істориків УРСР кінця 30-х – першої половини 40-х рр. // Український історичний журнал. – 2004. – № 5. – С. 96-121; См., также: Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). – С. 247-252.

¹³ Впервые на роль этого фактора для официозной легитимации концепции указано в статье: Юсова Н. Наукова діяльність Костя Гуслистого в останні роки роботи в Інституті історії АН УРСР (1949 – 1952 рр.). – С. 440.

¹⁴ Сам Л. В. Черепнин в лекции «Основные этапы закрепощения крестьян в России» от 14 февраля 1964 г., прочитанной для слушателей Академии общественных наук при ЦК КПСС, называет серию дискуссий конца 1940-х – начала 1950-х гг. интересными, оживленными, а главное – органически возникшими в связи с потребностями исторической науки, когда требовалось разрешить накопившиеся острые вопросы. Поднятые проблемы во время многочисленных диспутов, оказались тесно переплетенными между собой. Считаю целесообразным привести обширную пространную цитату из лекций Л. В. Черепнина, где от первого лица и непосредственного участника описываемых событий, изображается картина специфики состояния исторической науки; ученый, применяя прием сопоставления, еще более контрастно вскрывает наметившуюся к середине 1950-х гг. догматизацию истории. «...В 1949, 1950 и 1951 годах были проведены две интересные дискуссии по проблемам периодизации исторического процесса. И шла речь, конечно, об истории Руси. Эта дискуссия шла, главным образом, на страницах журнала „Вопросы истории” – ставился вопрос о периодизации феодализма и капитализма. Но она вышла за рамки журнала. Был целый ряд дискуссий в отдельных учреждениях, в частности, в АОН. Я очень хорошо помню эту дискуссию – оживленную, интересную, хотя и со всеми недостатками, которые были свойственны тому времени.

Был поставлен и решен целый ряд интересных вопросов, и сейчас знакомство с этой дискуссией было бы для нас весьма интересно, с учетом, конечно, что там отразились и недостатки, свойственные тому времени.

Гораздо меньше значение имела дискуссия, которая была проведена в 1953 – 54 гг., тоже на страницах журнала „Вопросы истории” об основном экономическом законе феодализма.

Как она возникла? Она возникла не органически, то есть не потому, что наука требовала разрешения данного вопроса, а возникла под влиянием времени. Появилась работа Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР”. Там он дал формулировку экономической сути капитализма, экономического закона капитализма, а историки решили, что нужно дать точную формулировку экономического закона феодализма.

Как пошла эта дискуссия? Стали искать определение точной формулы и хотели ее построить по тому образцу, который был дан Сталиным применительно к капитализму... А дело шло о словесной формулировке, приближающейся к той, которую дал Сталин для капиталистической формации. Эта дискуссия носила догматический характер. Вот та дискуссия, которая прошла перед этой, была интересной, там были ошибки и достижения. Это был действительно творческий подход к вопросу. А здесь даже логически недодумано получилось. Поэтому дискуссия эта, с моей точки зрения, не представляет творческого интереса». – РГА СПИ. – Ф. 606. – Оп. 1. – Д. 215. Стенограмма лекций кафедры истории Советского общества. 1953 г. – 1964 г. На 205 л. – Л. 89-90.

¹⁵ К сожалению, из-за плохой сохранности и распорошенности фондов Института истории АН СССР, которые на сегодня хранятся в двух архивах: Научном архиве Института российской истории Российской Академии наук (НА ИРИ РАН) и А РАН'е (Ф. 1577.), пока не удалось отыскать дело, где были бы представлены документальные материалы, иллюстрирующие ход дискуссии.

¹⁶ Смирнов И. И. Общие вопросы периодизации истории СССР // ВИ. – 1950. – № 12. – С. 95.

¹⁷ Б. Д. Греков 20 марта 1951 г. во время обсуждения Постановления Бюро отделения истории и философии АН СССР о работе журнала «Вопросы истории» указывает: «серьезной критике в Институте Истории Академии Наук подверглись доклады Пашуто и Черепнина, которые попытались обобщить материалы дискуссии по вопросам периодизации феодальной формации». – А РАН. – Ф. 457. – Оп. 1 (1945 – 1956 гг.). – Д. 195. Стенограмма объединенного заседания Бюро отделения истории и философии и Ученого совета Института истории АН СССР 20 / III. 1951 г. по рассмотрению работы журнала «Вопросы истории». Постановление Бюро о работе журнала 31 / III. 1951 г. 20 марта 1951 г. – На 116 л. – Л. 11.

В дальнейшем, по ходу выступления, Б. Д. Греков называет Л. В. Черепнина «верным другом журнала», но все же критикует сотрудников за недостаточную проработку трудов И. В. Сталина. – Там же. – Л. 29.

¹⁸ Пашуто В., Черепнин Л. О периодизации истории России эпохи феодализма // ВИ. – 1951. – № 2. – С. 52-80. См. также: Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. – М., 1981. – С. 72-104.

¹⁹ Пашуто В., Черепнин Л. О периодизации истории России эпохи феодализма. – С. 58.

²⁰ В институте истории АН СССР // ВИ. – 1951. – № 5. – С. 137-139. См., также: Юсова Н. М. Генеза концепту „давньоруська народність” у радянській історичній науці. – С. 74-77.

²¹ НА ИРИ РАН. – Ф. 1. «А». – Оп. 2. – Ед. хр. 592. «Общий отчет» Института истории АН СССР за 1951 год. На 173 лл.

²² Там же. – Л. 1.

²³ См., напр.: Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). – С. 158, 242, 243, 326, 336.

²⁴ А РАН. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 363. Протоколы подготовительного совещания по методологии этногенетических исследований. 8 февраля – 19 марта 1951 г. НА 33 л. – Л. 1, 5, 8, 9, 11, 17, 30.

²⁵ А РАН. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 371. – Л. 121.

²⁶ 8 февраля 1951 г. на первом рабочем совещании А. Н. Насонов назвал свой будущий доклад «К вопросу об образовании русской народности». – См.: Там же. – Д. 363. – Л. 9.

Отметим, что в деле из фонда Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Малая АН СССР, когда речь идет о повестке дня от 1 ноября, фиксируется другая формулировка докладов утреннего заседания: «1. Б. А. Рыбаков. К вопросу об образовании древнерусской народности. 2. А. Н. Насонов. Образование древнерусской народности». – А РАН. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 373. – Л. 1 (об.).

²⁷ А РАН. – Ф. 1909. – Оп. 1. – Д. 155. – Л. 28.

²⁸ Рыбаков Б. А. К вопросу об образовании древнерусской народности // Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР подготовленных к совещанию по методологии этногенетических исследований. – Москва, 1951. – 30 с. – С. 15-22.

²⁹ А РАН. – Ф. 1909. – Оп. 1. – Д. 155. – Л. 29-46.

³⁰ Там же. – Л. 39.

³¹ Там же. – Л. 3.

³² Если предельно точно излагать факты, то следует привести дословное подтверждение, зафиксированное в архивном деле: «Насонов А. Н. ст. „К вопросу об образовании древнерусской народности”. Нач. 1951 г. Окон. 1955 г.». – См.: Там же. – Л. 52.

Прибегая к расшифровке приведенную запись, и можем говорить следующее: научный сотрудник планировал к 1955 г. сдать в виде монографии, объемом не менее 10 авторских листов, результаты своего творческого поиска.

³³ Пашуто В. Т. А. Н. Насонов «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Академия наук СССР. Институт истории. Изд-во АН СССР. М. 1951. 259 стр.+9 карт. // ВИ. – 1953. – № 8. – С. 165 – 169.

³⁴ Мельникова Е. А. Пашуто Владимир Терентьевич (1918 – 1983) // Историки России. Биографии / Составитель, ответственный редактор А. А. Чернобаев. – М., 2001. – С. 796.

³⁵ Пашуто В. Т. А. Н. Насонов «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. – С.167, особенно – С. 168.

³⁶ Показательным примером неадекватного и предубежденного отношения со стороны В. Т. Пашуто к рецензируемым работам советских историков 1940-х –

1950-х гг. может служить и его критический отзыв, как и собственно казуистическая история, связанная с опубликованием книги искусствоведа Н. Н. Воронина об Андрее Боголюбском. – Подробно см.: Пашуто В. Рецензия Н. Н. Воронин. Андрей Боголюбский. Изд. АН СССР, 1948, с. 1-229 // Кривошеев Ю. В. Гибель Андрея Боголюбского: историческое исследование. – СПб., 2003. – С. 197 – 203; Там же. – С. 204 – 212.

Поскольку темой, избранной для данной статьи, не является углубленный и всесторонний анализ научного творчества В. Т. Пашуто, принципы объективистского подхода требуют хотя бы указать литературу, из которой можно почерпнуть дополнительные сведения об этом ученом. – См.: Мельникова Е. А. Пашуто Владимир Терентьевич (1918 – 1983). – С. 795 – 802.

³⁷ Насонов А. Н. К вопросу об образовании древнерусской государственной территории // ВИ. – 1954. – № 12. – С. 11-113. – С. 113.

³⁸ Гефтер В., Покатаев Ю., Г. Шахназаров. Критика и библиография в научном журнале. (По страницам журналов «Вопросы истории», «Вопросы философии», «Вопросы экономики», «советское государство и право») // Коммунист. – 1954. – № 15. – С. 113 – 114.

³⁹ Черепнин Л. В. К вопросу о периодизации истории СССР периода феодализма / Известия АН СССР. Серия истории и философии. – 1952. – Т. IX. – № 2. – С. 115-132. См., также сокращенный вариант в книге: Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: Теоретические проблемы истории феодализма. – С. 104-111.

⁴⁰ Очерки истории СССР: Период феодализма IX – XV вв. / Под ред. Б. Д. Грекова. – Ч. I. – М., 1953. – С. 251-258.

⁴¹ Там же. – С. 251.

⁴² Там же. – С. 252.

⁴³ Там же. – С. 252.

⁴⁴ Там же. – С. 252-257.

⁴⁵ См.: Козаченко А. И. Древнерусская народность – общая этническая база русского, украинского и белорусского народов // Советская этнография. – 1954. – № 2. – С. 3-20; См. также и неопубликованные разработки ученого: Научно-исследовательский отдел Рукописи Российской государственной библиотеки. – Ф. 444. – К. 8. – Д. 13. Козаченко А. И. формирование трех восточнославянских народов и наций. Статья. [1940-е гг.]. машинопись. В тексте подчеркивания карандашом. На 7 лл.; Там же. – К. 3. – Д. 9. Козаченко А. И. «Украинцы». Статья. [Вторая половина 1940-х гг.]. Автограф. На 16 лл.; Там же. – К. 8. – Д. 18. Козаченко А. И. Некоторые вопросы этнической истории. Статья и сообщения. [Начало 1950-х гг.]. Автограф. На 16 лл.; Там же. – К. 8. – Д. 15. Козаченко А. И. «Обр[азование] велик[орусской] нар[одности]...». Доклад. [1949 – начало 1950-х гг.]. автограф. На 11 л.; Там же. – К. 8. – Д. 17. Козаченко А. И. Маркс[истско]-ленинское учение о народности. Доклад и выписки к теме. [Начало

1950-х гг.]. Автограф. На 46 лл.; там же. – К. 5. – Д. 4. Козаченко А. И. «Народы мира. „Русские”». Проспект многотомного издания Института этнографии АН СССР. Автограф и машинопись с авторской правкой и рукой неизвестного лица. 1953 г. Приложение: Записи замечаний обсуждения «Сборника», сделанные А. И. Козаченко. Присоединение: А. И. Козаченко Отчет Института этнографии АН СССР о докладе А. И. Козаченко «Проблема древнерусской народности» и письмо редакции журнала «Вестник Академии Наук СССР». 1953 г., январь. Машинопись с подписью. На 59 лл.; Там же. – К. 6. – Д. 1. Козаченко А. И. Русский народ. Историко-этнический очерк. Глава I. Древнерусская народность. [1952 – 1953 гг.]. Автограф и машинопись с пометками и замечаниями рукой неустановленного лица. Приложено: 1) Запись рукой А. И. Козаченко о недостающих страницах машинописи текста. [1961 г.]. На 145 л.

⁴⁶ Там же. – К. 1. – Д. 1. Козаченко А. И. Биографические документы (копии метрической справки, свидетельства личности и об окончании училища, гимназии, Полтавского историко-филологического факультета, аттестат зрелости, автобиография и др.). 1911, 1918 – 1928, 1955 гг. Печатный, рукопись, машинопись. На 20 лл. – Л. 4, 1 и др.

⁴⁷ Козаченко А. И. Древнерусская народность – общая этническая база русского, украинского и белорусского народов. – С. 4-5.

⁴⁸ Історія Української РСР. В 2-х тт. – К., 1953. – Т. 1. – С. 40-114.

⁴⁹ Об этом см.: Юсова Н. М., Юсов С. Л. Проблема „приєднання” України до Росії в оцінці істориків УРСР кінця 30-х – першої половини 40-х рр. – С. 97.

⁵⁰ См.: Институт архівознавства Національної бібліотеки України ім. В. Вернадського. – Ф. 32. – Оп. 1. – Од. зб. 43. Отзывы рецензии замечания К. Г. Гулистого на научные труды и историко-литературные произведения отдельных лиц и коллективов. Черновые автографы, машинопись. На русском и украинском языках. 15 июня 1949 г. – [1969 г.]. 18 док. На 153 л.– Док.5: Рецензія на книгу А. К. Касименко „Російсько-українські взаємовідносини 1648 – початку 1951 рр.” – Изд-во Академии наук Украинской ССР, Київ, 1955. – Арк. 14; Гулистый К. Г. Вопросы истории Украины и этнического развития украинского народа (период феодализма). Доклад о содержании основных опублик. работ, представл. по совокуп. на соискание ученой степени д. и. н. – К., 1963. – С. 101-109.

⁵¹ См.: Вопросы формирования русской народности и нации. Сб. статей / Под ред. акад. Н. М. Дружинина и д. и. н. Л. В. Черепнина. – М.-Л., 1958. – С. 3.

Академик В. В. Виноградов в это же время параллельно совмещал и должность декана филологического факультета МГУ. Развернутая кампания по борьбе за искоренение марризма и внедрение новых положений «вождя народов» в повседневную практику не только научной жизни, но и педагогического процесса, охватила вузы страны. В. В. Виноградов, выступая с отчетным докладом, как декан филфака, за 1951 г., затронул острые проблемы, вызванные господством «нового

учения о языке» (Н. Я. Марра), и которые «завели лингвистику в тупик» (Л. 1). Однако филолог усматривает и положительную тенденцию, направленную на преодоление кризиса в лингвистике: «Выступления товарища Сталина по вопросам языкознания способствовали несомненному и весьма плодотворному повышению интереса к вопросам марксистско-ленинской теории, не только на лингвистическом, но и на всех остальных отделениях факультета» (Л. 6). Подробнее см.: – Центральный муниципальный архив г. Москва (ЦММА). – Ф. 1609. – Оп. 2. – Д. 317. МГУ. Отчетный доклад филологического факультета МГУ по итогам перестройке в свете трудов Сталина. 1951 г. На 22 л. – Л. 1, 6.

⁵² Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. Сб. статей / Под ред. акад. Н. М. Дружинина и д. и. н. Л. В. Черепнина. – М.-Л., 1958. – С. 7-105.

⁵³ См., напр.: НА ИРИ РАН. – Ф. 1 «А». – Раздел I. – Оп. 2. – Д. 166. – Ед. хр. 16. М. В. Данилова. «Исторические условия развития русской народности в период образования и укрепления централизованного государства в России» (оригинал), 1955 год. – 63 лл.; Там же. – Ед. хр. 17. Р. И. Аванесов. «вопросы истории русского языка в эпоху формирования и дальнейшего развития русской народности» (оригинал), 1955 год. – 68 лл.; Там же. – Ед. хр. 21 – 16 лл.; Там же. – Ед. хр. 20. – 122 лл.; Там же. – Ед. хр. 19. – 62 лл.; Там же. – Ед. хр. 22. – 60 лл. и др.

Материалы единиц хранения, относящихся в целом к делу 166, были готовы уже состоянием на 1955 г.

⁵⁴ От редакции // Вопросы формирования русской народности и нации. Сб. статей / Под ред. акад. Н. М. Дружинина и д. и. н. Л. В. Черепнина. – М.-Л., 1958. – С. 3-6.

⁵⁵ НА ИРИ РАН. – Ф. 1 «А». – Раздел I. – Оп. 2. – Д. 166. – Ед. хр. 23. Введение к сборнику «Вопросы формирования русской народности и нации». 1956 г. На 7 лл.

⁵⁶ Там же. – Ед. хр. 24. Л. В. Черепнин. «Исторические условия формирования русской народности до конца XV в.». Дата 1956 г. На 147 лл.

⁵⁷ А РАН. – Ф. 1577. – Оп. 2. – Ед. хр. 291. Стенограмма заседания Ученого Совета по обсуждению докладов С. И. Яковавской, М. В. Нечкиной, Л. В. Черепнина на ознаменовании второй годовщины выхода в свет трудов И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». 7 июля 1952 г. На 153 лл. – Л. 77 – 111.

В данной архивной папке хранится еще один экземпляр этого ж доклада Л. В. Черепнина, только правленный. – См.: Там же. – Л. 117 – 153.

⁵⁸ Там же. – Л. 86.

⁵⁹ Там же. – Л. 83.

⁶⁰ Там же. – Л. 86 – 111.

⁶¹ М. Д. Каммари 26 декабря 1949 г. выступил с докладом «Учение Й. В. Сталина о национальном вопросе». – А РАН. – Ф. 457. – Оп. 1 (1945 – 1956). – Д. 125.

Стенограмма торжественного заседания от 26 декабря 1949 г., по священного 70-летию со дня рождения Сталина И. В. и переписка по организации этого совещания. 30 ноября – 26 декабря 1949 г. На 255 л. – Л. 1.

⁶² Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. Сб. статей / Под ред. акад. Н. М. Дружинина и д. и. н. Л. В. Черепнина. – М.-Л., 1958. – С. 8-10.

⁶³ Там же. – С. 9.

⁶⁴ Там же. – С. 10-11.

⁶⁵ Там же. – С. 14-15.

⁶⁶ Там же. – С. 17-18, 20.

⁶⁷ Там же. – С. 21.

⁶⁸ Там же. – С. 21-22.

⁶⁹ Цвибак М. М. К вопросу о генезисе феодализма в древней Руси // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества // Известия ГАИМК. Вып. 103. – М., 1934. – С. 86, 99-100; Подробнее о взглядах М. М. Цвибака см.: Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). – С. 148 – 149.

⁷⁰ Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. – С. 25.

⁷¹ Там же. – С. 27.

⁷² Там же. – С. 29.

⁷³ Там же. – С. 29-32.

⁷⁴ Там же. – С. 33-35.

⁷⁵ Там же. – С. 35-36.

⁷⁶ См.: Насонов А. Н. „Русская земля” и образование территории Древнерусского государства. – М., 1951. – С. 25.

⁷⁷ В. К. Яцунский, будучи рецензентом рукописи монографического исследования А. Н. Насонова «Русская земля и образование территории древнерусского государства (IX – XIII вв.)», подготовил обстоятельный отзыв с конкретными конструктивными замечаниями. Эта внутренняя рецензия датирована 23 октябрём 1949 г. Здесь, в частности, В. К. Яцунский указывает: «Хорошо бы, если бы А. Н. Насонов во введении или в заключении использовал указания Маркса на лоскутный характер империи Рюриковичей». – См.: А РАН. – Ф. 1639. – Оп. 1. – Д. 197. Яцунский Виктор Корнельевич, доктор исторических наук. Отзывы, рецензии о книгах отдельных авторов. Ч. II. (Л-Я). Автограф и машинопись. Внутренняя опись приложена. Не позднее 22 марта 1947 – 25 марта 1965 гг. На 188 л. – Л. 41.

⁷⁸ См.: Шишкин И. Г. К вопросу о становлении марксистской концепции образования древнерусского государства в отечественной историографии 1920-1930-х гг. // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право. –

СПб. – Ижевск, 1999. – № 3-4. – С. 23-41.

⁷⁹ Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. – С. 37-38.

⁸⁰ Там же. – С. 39-40.

⁸¹ Там же. – С. 40-42.

⁸² Там же. – С. 42-43.

⁸³ Там же. – С. 43-45.

⁸⁴ Там же. – С. 45-48.

⁸⁵ Там же. – С. 48-52.

⁸⁶ Там же. – С. 54-55.

⁸⁷ Там же. – С. 55-56.

⁸⁸ Там же. – С. 57.

⁸⁹ См.: Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). – С. 146-342.

⁹⁰ См., напр.: А РАН. – Ф. 1791. – Оп. 1. – Д. 136. Черепнин Л. В. Основные этапы закрепощения крестьян в России. Образование Русского централизованного государства. Образование всероссийского рынка. Лекции, прочитанные слушателям Академии общественных наук при ЦК КПСС. Стенограмма. Ротапринт. 22 октября – 11 ноября 1953. На 78 л. – Л. 34; Там же. – Д. 134. Черепнин Л. В. «Общий курс истории СССР периода феодализма XIV – XVI века». Конспект лекций, прочитанных для студентов исторического факультета МГУ, фрагменты, наброски. Автограф. Тексты ряда листов утрачены. 1944 – 1945 гг. На 197 л. – Л. 19 и др.

⁹¹ См., напр.: А РАН. – Ф. 17911. – Оп. 1. – Д. 22. Черепнин Л. В. «„Слово о полку Игореве” как памятник русской публицистики XII века». Статьи, 2 варианта; машинопись с правкой, пометками на полях неустановленного лица. [1949 – 1950-ые гг.]. На 163 л.; Там же. – Д. 29. Черепнин Л. В. Социально-политический строй Северо-восточной Руси во второй половине XII – первой половине XV в. Статья. Машинопись с правками. Начало 1950-х. На 11 л.

⁹² А РАН. – Ф. 1791. – Оп. 1. – Д. 146. Черепнин Л. В. Древняя Русь в VII – XI вв.» и «Культура Киевской Руси X – XV вв. Статьи для итальянского перевода учебника по истории СССР средних веков. Автограф, машинопись с правкой и дополнениями. Текст ряда листов частично утрачен. [1950-ые гг.]. На 195 л.

⁹³ Там же. – Л. 94.

⁹⁴ Там же. – Л. 94 – 95.

⁹⁵ Там же. – Л. 95.

⁹⁶ Там же. – Л. 126.

⁹⁷ А РАН. – Ф. 1791. – Оп. 1. – Д. 131. Черепнин Л. В. Общий курс истории СССР периода феодализма до XIV – XV вв. Конспект лекций, прочитанных для студентов исторического факультета МГУ. Фрагменты, наброски. Автограф. Текст ряда листов утрачен. 1944 – 1946 гг. На 251 л. – Л. 221, 231 и др.

⁹⁸ Там же. – Л. 95.

⁹⁹ Там же. – Л. 129.

¹⁰⁰ Там же. – Л. 180 – 195.

¹⁰¹ Наиболее яркий пример относительно применения ученым терминологического выражения «русский народ» на вторую половину 1950-х гг. см.: Там же. – С. 126.

¹⁰² См., напр.: Юсова Н. М. Генеза концепту „давньоруська народність” в радянській історичній науці. – С. 68, 72 – 73.

¹⁰³ А РАН. – Ф. 1791. – Оп. 1. – Д. 131. – Л. 221, 231 и др.

¹⁰⁴ См.: Ісаєвич Я. Походження українців: історіографічні схеми і політика // Матеріали до української етнології. Вип. 1 (4). – К., 1995. – С. 103-114.

¹⁰⁵ См., в связи с этой темой: Юсова Н. Генезис концепції давньоруської народності в історичній науці СРСР (1930-ті – перша половина 1940-х рр.). – С. 214-303.

¹⁰⁶ Более подробно см.: Юсова Н. М. Генеза концепту „давньоруська народність” в радянській історичній науці. – С. 72; Ее же. «Проблема давньоруської народності» в праці В. В. Мавродіна «Образование Древнерусского государства» (1945 р.) // Ruthenica. Том I. – К., 2002. – С. 161 – 162.